

Иван Дубяга - художник и музыкант, сделавший сам себя в культурном вакууме двух К (Кишинёва и Краснодара), где жил в самые ответственные годы личностного формирования. Дубяга обрёл свой почерк, позволяющий отличить его на фоне общего потока художников сразу, не имея ни малейшего шанса быть спутанным с кем-либо.

По мнению Ивана, живопись и рисунок являются наиболее непосредственными способами выражения, транслирующими содержание сознания сразу на обозрение. Картинки состояются из гиперочищенных обозначений предметов, читающихся в знаках. И к банальной отсылке к детским рисункам это отношения не имеет, ибо «понижение разрешения», редукция деталей здесь важны для максимального охвата экзистенциального. Работая с предельно очищенным визуальным языком, Иван экономит время, стараясь работать быстро и не растягивать процесс, так как для художника важно сохранить ощущение чистое, как проточная вода.

Для Дубяги творчество является психической потребностью. Он решает свои внутренние вопросы, мысля отрывисто, открыто, через поток разговора с собой, где сливаются высказывания, где абсурд порой перекрывает собой всё, - ну чистая шизофрения. Автор термина «постмодернизм», Ф. Джеймисон, выделил в частности понятие шизофрении в качестве маркера новой культурной эпохи. Обойдёмся без драмы, - все «практически здоровы», - и медицина в данном случае ни при чём. Если принять «шизофрению» как род языкового беспорядка, то мы получим пример способа мышления, исходящего из формирования языкового подхода. Как известно, Ж.Делёз и Ф.Гваттари предложили понятие «шизофрения» в качестве языка абсурда и парадокса. Этим нескончаемым «речевым потоком», состоящим из картинок и рисунков, Дубяга выясняет отношения с миром, сам с собой. С одной стороны, каждая работа является предельным высказыванием, все они делаются как будто в последний час жизни своего автора, не требуя продолжения, чтобы обнаружить мнение по какому-либо поводу, художнику хватает одной картинке, как скользящему по поверхности жизни комментатору. С другой стороны, из следов этого скольжения выстраивается общий большой след, глобальная картина, как будто покрывающая огромным полотном целое море, на поверхности которого, как известно, и держится логика смысла. Настоящий художник обращается к шизофреническому дискурсу, как к языку, ставящему под сомнение язык общепринятой логики и причинно-следственных связей, часто не оправдывающих доверие.

К действию Дубягу побуждают экстремальные состояния скуки, серости, пустоты. Помещая себя в абсолютный вакуум, художник генерирует свой мир, наполненный микрособытиями. Так, через игру с пустотой, экзистенциальное отчаяние превращается в искусственную реальность. Действительность не устраивает Ивана, но вдохновляет, срабатывает как триггер действия, однако же

вдохновляет от противного, так как художник хочет её отодвинуть, своеобразно взаимодействуя с внешним миром. В задачи Дубяги не входит создание иллюзий, он делает свою работу чтоб отделить от себя её содержимое, и если это отделение произошло, он может посмотреть со стороны, оценить, испытать смехом.

Текст: Ольга Турчина

Старший научный сотрудник Московского музея современного искусства,
преподаватель Школы Свободные мастерские.